

САМАРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»
SAMARA MUNICIPAL FUND "COMMUNITY OF YOUNG SCIENTISTS"
ГУМАНИТАРНАЯ СЕКЦИЯ и ТОЛЬЯТТИНСКИЙ ФИЛИАЛ
SECTION OF HUMANITIES AND TOGLIATTI BRANCH

РЕПИНЕЦКИЙ С.А.
REPINETSKIY S.A.

LIBERALISM AS AN
IDEOLOGY OF
EUROPEAN
INDIVIDUALISM IN
ON RUSSIAN SOIL

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК
ИДЕОЛОГИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО
ИНДИВИДУАЛИЗМА НА
РУССКОЙ ПОЧВЕ

www.ysa-human.narod.ru
Самара – Тольятти, 2009
Samara – Togliatti, 2009

РЕПИНЕЦКИЙ С.А. Либерализм как идеология европейского индивидуализма на русской почве / С.А.Репинецкий. Самара – Тольятти: СГОО «Сообщество молодых учёных», 2009. – 40 с.

Настоящее издание включает статью С.А. Репинецкого «Либерализм как идеология европейского индивидуализма на русской почве» и материалы дискуссии по статье и поднятым в ней проблемам: отзывы и вопросы историков, филологов, философов и ответы на них автора статьи.

Либерализм как идеология европейского индивидуализма на русской почве

Под либерализмом мы понимаем идеологию, в основе которой лежит принцип индивидуализма, выраженный в максимальных личных правах и полной личной ответственности во всех сферах жизни общества: в философии это выражается в антропоцентризме и признании человеческой личности главной ценностью, в политической области это проявляется в отстаивании личных прав и институтов гражданского общества, в социальной – в защите гражданских свобод, в экономической – в защите института частной собственности и свободы рынка и т.д.

Данный подход основан на современных достижениях отечественного и зарубежного социально-гуманитарного знания (см.: Валерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003; Леонтович В.В. История либерализма в России 1762 – 1914. М.: Русский путь, 1995; Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: ИФ РАН, 1995; Мизес Людвиг фон. Либерализм. М.: Социум – Экономика, 2001; Наумов А.С. Российский либерализм: истоки, содержание, влияние на социально-экономические процессы в стране (конец 18 – начало 20 веков). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2007; Пустарнаков В.Ф. Либерализм в России. Казань: Печатный Двор. 2002; Offord D. Nineteenth-Century Russia. Opposition to Autocracy. L., N.Y., 1999 и пр.). Рассмотрим либеральную идеологию с различных сторон через призму теоретических установок, их практической реализации и проявления на родине либерализма – на Западе – и в России.

При этом наши построения будут отличаться определённым схематизмом: здесь важно охватить линию развития либерализма в целом, а наполнение и конкретизация схемы заняла бы, по крайней мере, несколько томов. Поэтому мы заранее принимаем все заявления о наличии исключений и отклонений от предложенной схемы, настаивая при этом на её верности как формулы магистрального пути развития интересующей нас идеологии. Сравнение с формулой особенно показательно: так же, как в природе нет тела, падающего с ускорением свободного падения, в мире нет страны, попадающей под классические схемы развития, однако так же, как невозможно понять процесс падения тел без общей идеализированной формулы – так же нам необходимы идеализированные схемы для понимания развития общества. Здесь предлагается такая схема – как говорится, не больше и не меньше: не стоит недооценивать её значение и не стоит требовать от неё всестороннего охвата материала и излишней в данном случае конкретности.

Итак, что касается среды развития, то в теории либерализм предполагает полную открытость и стратегию, направленную на достижение

благополучия. На практике это выражается в стремлении к мирному поступательному развитию общества. На Западе либерализм всегда развивался в изолированных (Великобритания, США) или нейтральных (Швейцария, Скандинавия) странах. Россия же – наоборот – на протяжении всей своей истории находилась в состоянии перманентной борьбы за выживание против внешних врагов и тяжёлых климатических условий, не считая постоянной внутренней розни.

Либеральная теория осознаёт историю как процесс эмансипации личности, что на практике выражается в её отрыве от корпорации в экономике, вере, войне и частной жизни: человек приобретает ценность не как винтик большой машины, а сам по себе. В Европе этот процесс имел глубокие исторические корни: вся англосаксонская и романо-германская цивилизации основаны на ценностях античности и варварства, общим пунктом которых как раз был индивидуализм. Кажется странным, почему соединения варварского и римского элементов оказалось столь плодотворным (из него выросла вся современная Европа), тогда как великие цивилизации Рима и Востока не смогли вместе дать ничего. Но это вполне понятно с точки зрения индивидуализма: миры варваров и римлян были индивидуалистичны, поэтому, несмотря на множество различий, они смогли «понять» друг друга и их соединение оказалось не только жизнеспособным, но и очень плодотворным. На стыке с восточной цивилизацией греко-римские индивидуалисты не смогли наладить контакта с азиатскими коллективистами и от их временных объединений (эллинистических культур и римских провинций на Востоке), по существу, не осталось ничего.

Культура исконных жителей России – славян и финно-угорских племён – всегда отличалась от германцев и не была индивидуалистичной (носителями этого принципа выступали, возможно, лишь варяги, но они были малочисленны и постепенно ассимилировались), поэтому либеральный индивидуализм всегда оказывался в этой стране чужеродным культурным элементом, без глубоких цивилизационных корней, привнесённым на почву традиционного коллективизма и авторитаризма.

Исходным базисом для развития либерализма в теории должно быть накопление в производстве, что на практике реализуется через развитие вольного найма рабочей силы и торговли. Западные страны смогли успешно осуществить накопление достаточных для построения либерального общества капиталов и ресурсов (а построение либерального общества – это довольно дорогое удовольствие, не случайно оно удавалось почти исключительно в богатых странах) за счёт неэквивалентной колониальной торговли. Разграбление, эксплуатация и неэквивалентный обмен в заморских

владениях, стоящих на гораздо более низком, по сравнению с Европой, уровне экономического и военного развития, давало прибыли, превышавшие вложения на 1 – 2 порядка. Эти то сверхприбыли и дали возможность западным обществам построить дорогостоящие либеральные системы.

В России колоний в классическом понимании почти никогда не было, и основное накопление осуществлялось за счёт эксплуатации ниже стоящих классов и сословий своего общества, превращённых в рабов. В позапрошлом веке всё население страны оказалось разделённым на рабов правительства (так называемые, привилегированные сословия) и рабов этих рабов (крепостные и прочие податные сословия). Очень ёмко и точно определил ситуацию М.Ю. Лермонтов: «Прощай немытая Россия – страна рабов, страна господ». И действительно, довольно сложно представить развитие идеологии индивидуализма в обществе, состоящем только из рабов и рабовладельцев, самих, в свою очередь, являющихся рабами царя (именно так себя и осознавали российские дворяне – поэтому и сочиняли различные проекты «аристократического» переустройства с целью высвободиться из рабства государя и его бюрократии).

Мировоззренческой и философской основой либерализма стал гуманизм, превратившийся на практике в антропоцентризм, поэтому в основе сознания европейца лежит формула «Я в центре мира». В России же – напротив – человек воспринимал себя всегда как часть общего или какого-либо целого, что тоже не самая лучшая база для развития индивидуалистической идеологии.

Религиозная основа либерализма – протестантизм. Это вполне доказал Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» (под капитализмом в данном случае можно понимать либерализм – это контекстуальные синонимы). Догматы протестантизма и, особенно, кальвинизма (лишение церкви экономической функции, объявление богатства признаком божественного благословения, а его накопления и передачу потомкам – целью человека в мире и пр.) в своём логическом развитии (именно так, а не буквально и напрямую!) означали не что иное, как освящение капитализма и либерализма и имели среди ближайших последствий перевод значительных капиталов из непродуктивных (предметы роскоши и культура) в продуктивные (производство и научные открытия) вложения. Кроме того, протестантизм провозгласил индивидуальный контакт каждого верующего с богом, что тоже вполне соответствовало индивидуалистической идеологии.

Поэтому и либерализм смог развиваться быстрее и проще именно в протестантских странах; именно они стали наиболее богатыми и до сих пор

сохраняют лидирующие позиции по показателям уровня жизни и индивидуальной свободы. В России клир был поставлен на службу государства, а не общества (не буржуазии, как богатейшей его части), поэтому и священными вещами для правоверного православного являлись не труд, изобретательность и благосостояние, а государство (выраженное в понятиях «царь» и «отечество») и социальный иерархический строй. Наиболее чётко сращивание самодержавного государства, рабовладельческого общества и бюрократической церкви выразилось в формуле С.С. Уварова «Православие – Самодержавие – Народность». Это не только, по замечанию П.Я. Чаадаева, отгородило русский народ от Западной цивилизации, но законсервировало традиционализм, соборность и иерархичность общества, отрезая ему путь к либеральному развитию, то есть к индивидуализму, изобретательности, накоплению материальных ресурсов и т.д.

Решение конфликтов внутри общества, согласно теории либерализма, сводится к формальному или неформальному консенсусу. Даже один из основополагающих трудов предшественников этой идеологии Ж.Ж. Руссо носит название «Об общественном договоре» – именно так и представляется либералам краеугольный камень общественного развития. На практике это реализуется через политическую борьбу в её современных формах (партийная и парламентская система, делегируемая и избираемая власть и т.д.). На Западе это приводит к постоянно обновляемому политическому консенсусу: одно правительство сменяется другим и все они либо официально являются коалиционными, либо (в случае редких исключений) реализуют «коалиционную» программу.

Даже в России в 1917 г. после непродолжительного относительно либерального политического развития в октябре во главе страны стало коалиционное правительство – большевиков и левых эсеров. Такие же коалиционные правительства были в России в течение 1917 и после 1991 года. Но в целом для русской истории это совершенно несвойственно. Наоборот: каждая победившая группировка (боярская, религиозная, клановая, политическая) старалась (и добивалась!) авторитарной власти, избегая всяких коалиций и консенсусов. Те же большевики избавились от своих «попутчиков» эсеров при первой же удобной возможности.

Война, с позиций либеральной теории, крайне нежелательна из-за своей дороговизны и пагубного воздействия на экономику в целом и накопления в частности – по крайней мере, крупная конвенциональная фронтальная война. Мелкие и неопасные (для либерального государства) военные конфликты могут использоваться в качестве стимулов

экономического развития, в частности притока инвестиций в военно-промышленный комплекс. На практике либеральные страны, как правило, ограничиваются экономическими и информационными («холодными») войнами или участием в локальных конфликтах вдали от своей территории.

Для держав Запада (не нейтральных, а ведущих активную внешнюю политику) эта стратегия означает достижение военных побед либо чужими руками (известно выражение на эту тему: «Англия всегда воюет до последнего солдата... своего союзника», те же методы часто практикует и США), либо подавление качественно слабейшего противника технологическим превосходством. Ярчайшие примеры последнего варианта: Опиумные войны позапрошлого века и войны последних десятилетий, когда Китай для Великобритании и СРЮ, Ирак, Афганистан для США не могли представлять абсолютно никакой угрозы по причине своей удалённости и подавляющего технологического превосходства западных агрессоров.

В России – наоборот – война, как правило, представляет собой самодовлеющую героическую борьбу с равным или, по крайней мере, достаточно опасным врагом на своей собственной или сопредельной территории. Такие войны пронизывают всю историю страны, тогда как США почти полтора века не знали ничего подобного, а Англия уже несколько веков. Бельгия, Нидерланды, Швейцария, Швеция обычно в последние два века предпочитали войне нейтралитет или капитуляцию, поскольку либеральные и материальные ценности (уровень жизни) был для них неизмеримо дороже национальной независимости.

Россия же всегда делала выбор в пользу войны даже там, где этого ещё можно было избежать. Например, в обеих Мировых войнах именно она первой начала боевые действия вторжением на территории Пруссии в 1914 г. и Финляндии и Польши в 1939 г., тогда как европейские либералы старались по возможности «отсидеться». Можно сколько угодно спорить о понятиях чести (которые в политике и стратегии, очевидно, неприменимы), но несравненно большие потери и ущерб России по сравнению со странами Запада (даже Францией и Бенилюксом, по территории которых прокатились обе войны) не могут вызывать ни малейших сомнений. Приоритет уровня жизни и экономического развития эфемерным понятиям чести и национальной гордости – тоже черта либерального общества.

Иллюстрацией к этой ситуации может стать тот факт, что на Западе можно встретить многих людей, среди родственников и знакомых которых нет ни одного человека, видевшего «большую войну» и участвовавшего в ней лично. В России же такие люди появятся, может быть, только среди поколения наших детей, но до сих пор в истории такого никогда не было: по

крайней мере, деды и бабки всегда могли поделиться впечатлениями то о войне с Наполеоном, то о турецкой, то об империалистической... Это, конечно, частный случай, но коллективное сознание всё-таки сильно зависит от того, кто его формирует, кто рассказывает детям первые в их жизни сказки и истории, поёт первые колыбельные: люди, прошедшие всю жизнь в ремесле и торговле или люди, главными впечатлениями которых стали ужас и злоба войны.

Либеральное общество осознаёт себя через идею постоянного прогресса, на практике выраженную социальным реформизмом и технологическим развитием, поэтому западному человеку исторический процесс представляется чередой воплощения идей (успехов в науке и экономике) и реформ; он видит в истории героику ума и труда. Известно, что каждый англичанин знает, кто такой адмирал Нельсон; он так же знает ещё парочку известных вояк. Но основное место в его историческом сознании и на страницах учебников занимают великие изобретатели (прялки Джейни и парового двигателя – в русских учебниках им посвящён параграф; телевидения, самолёта, автомобиля и т.п. – русские учебники на такие «мелочи» вовсе внимания не обращают) и великие реформаторы (а ведь Англия – одна из самых «воинственных» стран Запада!). В США прибавляется ещё одна тема – основатели великих корпораций – наиболее успешные бизнесмены.

Поэтому европеец и американец ощущает себя продолжателем дела Эйфеля и Нобеля, Рокфеллера и Стросса. Россия же до сих пор осознаёт себя и свою историю с позиций «милитаристского идеала» (по выражению Л. Мизеса – см.: Мизес Людвиг фон. Либерализм. М.: Социум – Экономика, 2001. С. 145): в русских учебниках и массовой культуре пропагандируется (и поддерживается любой властью) героика войны и жестокости. История предстаёт чередой правлений и военных побед. На одном из военных плакатов 1941 г. было помещено стихотворение С. Маршака: «Бьёмся мы здорово, колим отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева». Эти строки точно подходили под ситуацию, но беда в том, что именно так можно охарактеризовать самосознание русских практически на всём протяжении истории, не зависимо от текущего момента.

Наиболее известные исторические персонажи – Сталин и Жуков, Ленин и Пётр I. Много ли россиян считают себя наследниками Л.Н. Толстого или Д.И. Менделеева? Если таковые и найдутся – то единицы. Уж нечего и говорить о таких нерусских великих россиянах, как Левитан и Ландау, великом реформаторе Сперанском, великом мыслителе Борисе Чичерине (последний даже не во всех учебниках упомянут)... Более того: в России даже

не принято великих людей такого порядка считать историческими личностями! Не случайно именем России в одноимённом проекте избран военначальник князь Александр Невский. Конечно: ведь наша история – это революции, войны, репрессии... Именно это – в понятиях массы россиян – и есть суть нашего процесса развития; культура и наука, государственная мысль и философия из него просто выпадают. Неудивительно, что либерализм – идеология индивидуализма, прогресса и благосостояния – не может прижиться среди людей, видящих себя потомками вояк, а своё прошлое – чередой актов насилия и кровопролития.

Оборотной стороной этого явления становится и то, что своими заблуждениями Россия вводит в заблуждение весь остальной мир и вредит этим своему имиджу. За пределами страны её тоже начинают осознать как страну вояк и тиранов, забывая про великих творцов и видя только великих разрушителей – именно потому, что таково самовосприятие русских. Нечего после этого удивляться, что в сознании большинства землян складывается интересная картина: на Западе делаются открытия (в естественных, технических и общественных науках – в России, кстати, открытия в последних даже открытиями не считаются), а русские знай себе воюют... То друг с другом, то с «цивилизованным» Западом. После этого не стоит удивляться, когда симпатии мировой общественности часто незаслуженно оказываются на стороне врагов России (примеры: Карл XII и Наполеон, Дудаев и Саакашвили). Конечно, можно всё списать на разные мировые заговоры, на постоянную враждебность Запада и т.д., но такие «объяснения» представляют собой лишь уход от решения проблемы. Проблема же в том, что русские внушили себе и всему миру, что их история – это история воинов и тиранов, история войн и репрессий, а они сами – прямые наследники и продолжатели этой истории.

В философии, как уже не раз говорилось, либерализм опирается на принцип индивидуализма, что на практике означает полную ответственность и свободу человека, неразрывно связанные друг с другом. На Западе это выразилось в юридических формулах и общественной системе, устанавливающих такой порядок, при котором человек свободен (имеет право на всё, что не нарушает аналогичных прав других субъектов), но при этом сам за себя отвечает. В классическом либерализме нет понятия о государственном страховании и, как говорится, спасение утопающих – дело самих утопающих. Так же личная ответственность в либеральных государствах выражается в том, что любой может быть привлечён к ответу за свои деяния. Часто в опровержение этого приводится практика откупа от

правосудия, но потеря некоторой части финансовых средств – это тоже форма ответственности, абсолютно без потерь обойтись невозможно.

В России (как и во многих других нелиберальных обществах) вместо законом оформленной свободы зачастую практикуется вседозволенность – в соответствии с законом или против него, хотя постепенные улучшения тоже вроде бы есть. О разгуле криминала при бездействии или пособничестве полиции всем известно, правда такая проблема периодически появляется и в либеральных странах. К специфической проблеме анти-либеральных режимов относится узаконенный произвол бюрократии. К.П. Победоносцев в середине позапрошлого века охарактеризовал это состояние как «организованную анархию» (см.: Голоса из России: сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева: [в 4 вып.] / Герцен Александр Иванович; Огарев Николай Платонович, Рук. Нечкина Милица Васильевна, Кол.авт. АН СССР. - [факс. изд.]. - Москва: Наука, 1974. – Т. 7. С. 11, 17-18). Такое состояние было вполне типично для России на протяжении практически всей её истории: оно воспитывало в народе «правовой нигилизм» (неуважение к закону и нежелание следовать своим обязанностям при неумении правильно использовать свои права). Следствием стал анархизм как бунт против всякого закона (негативный опыт общения с юридическими нормами в России экстраполировался наиболее агрессивными и притесняемыми подданными на само понятие юридической нормы). Наиболее точной характеристикой этого направления может быть знаменитая фраза А.С. Пушкина: «страшен русский бунт – бессмысленный и беспощадный».

Он становится тем более бессмысленным и беспощадным, что сами бунтовщики устанавливают такой же тиранический режим, как и тот, против которого они бунтовали. Ситуацию в России точно описывает одна корейская сказка. Жил был дракон и терроризировал деревню: ел скот, крал девушек, сжигал дома и посева – всё, как полагается сказочному дракону. Конечно, постоянно находились смельчаки, отправлявшиеся с ним сразиться, да только никто не возвращался... И дракон был непобедим..., потому что каждый благородный рыцарь, убивший дракона, сам в него превращался. И всё начиналось с начала...

В теории, либеральный подход к культуре подразумевает полную свободу самовыражения, на практике это выразилось в стилях пост-модерна, экспрессионизма, футуризма, кубизма и т.д. На Западе дело дошло до массовой культуры, сексуальной революции, хиппи и андеграунда, то есть явлений, которые на первый взгляд отрицали и культуру, и либеральное (буржуазное) общество, и западную цивилизацию... Однако парадокс в том, что сами по себе все эти явления были органическими частями либеральной

культуры и вне её вряд ли вообще могли бы возникнуть, поэтому и их будущее было предрешено: породившая их цивилизация их абсорбировала и переварила, они стали её историей.

Все направления и явления культуры, грозившие её похоронить, не сделали этого на Западе, потому что главная черта либеральной культуры – многообразие: ни одно направление или новшество не может захватить её целиком и при всех своих амбициях всегда останется только «одним из». Поэтому при массовой культуре осталась и элитарная, сексуальная революция не разрушила института семьи и человек всегда может выбирать между «свободной любовью» и традиционными ценностями, хиппи тоже постарели и разделились на интегрировавшихся в общество и обособленную малочисленную группу чудаковатых старичков. Либеральная культура всегда сохраняется как культура выбора и культура многообразия.

В России же, в силу всего выше изложенного, у большинства людей нет привычки к сознательному выбору и многообразию жизненных форм, что и приводит к тотализации культуры. Ещё Н.А. Бердяев совершенно справедливо отмечал, что охватывающая русских идея превращается для них в безальтернативную догму и вытесняет (временно, конечно) все остальные – это демонстрировалось на примере социализма русской интеллигенции (см.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Наука. 1990). То же проявлялось и в культуре, поэтому проблема низкого уровня современной привнесённой с Запада массовой культуры в России кроется не в её собственных недостатках (хотя их тоже вполне достаточно), а в непривычке россиян к выбору и многообразию – именно это делает русский народ практически беззащитным перед любой культурной экспансией.

В области политики либеральная теория предлагает предоставление прав и свобод всем гражданам. На практике же либералы придерживаются правил цензового права: власть предоставляется только «лучшим» гражданам, отобранным на основе того или иного ценза (имущественного, осёдлости, образовательного, возрастного и т.п.). В западных обществах от цензового избирательного права официально уже давно отказались, но в действительности ни для кого не секрет, что высшие должности практически во всех либеральных государствах перераспределяются среди представителей довольно ограниченного числа правящих или богатейших семейств, обладающих крупнейшим состоянием, получивших лучшее образование и связанных с управлением этой страной во многих поколениях. Например, в США и Великобритании существует традиция комплектовать

правительственные органы выпускниками Гарварда и Итона (одновременно наиболее престижных и дорогих учебных заведений).

Может ли посторонний человек попасть в среду таких «лучших» людей управляющих народом? Да. Но для этого ему необходимо приобщиться к этой группе: приобрести состояние, влиятельных друзей и покровителей из их числа, получить соответствующее образование, пройти определённые этапы по карьерной лестнице, занять важное место в партии и т.д. Благодаря этому даже «новые люди», приходя в высшие сферы не волнами, а по одиночке, в большей степени перенимают существующие традиции, нежели ломают их. Это обеспечивает преемственность политической системы. Во многих обществах эта преемственность оформлены в виде системы нескольких «исконных» партий (например, Тори и Виги в Великобритании и республиканцы и демократы в США).

В России вместо этой системы происходит периодическая смена нецензовых элит. Петр I привёл во власть новых людей, считавших себя не преемниками, а «отрицателями» прежней знати. В результате этого все ростки русского Просвещения, развивавшегося с середины XVII века, были загублены вместе с его активными поборниками и всё пришлось начинать «с нуля». Такие же смены элит произошли в 1917 – 1918 и 1991 гг. В результате в первом случае Россия потеряла значительную часть результатов модернизации, а во втором – значительную часть плодов НТР. Сейчас часто слышатся сетования, что «плохие демократы» в 1990-ые гг. разрушили советскую науку и промышленность и отказались от достижений советского строя в социальной сфере. Эти явления были вполне закономерны в истории России – сами строители предыдущих империй (романовской и советской), приходя к власти, делали то же самое.

При этом обращает на себя внимание именно отсутствие всякого цензового отбора новых элит. Многие «птенцы гнезда Петрова» не отличались не только аристократичностью происхождения (то есть не происходили из рода, в котором выработалась традиция управления народом), но и наличием образования (достаточно вспомнить Меньшикова). Среди большевиков законченное высшее образование имел только В.И. Ленин, а тех, у кого новые лидеры могли бы чему-то научиться, быстро посажали на «философский пароход», перестреляли и переморили голодом. В 1990-ые гг. господствующие позиции быстро оказались в руках криминальных элементов, получивших капиталы и власть в результате приватизации, а значительная научных кадров сбежала из страны или из науки.

В результате после таких революций страна могла становиться на твёрдый путь поступательного развития только по прошествии десятилетий: это время требовалось на самоутверждение новых элит, борьбу с представителями старых, развитие новой культуры и нового образования. Этот процесс был несколько мягче при Петре I, поскольку он – в отличие от последующих революционеров – сохранил и старую аристократию, но борьба элит и все её пагубные последствия реализовались в Эпоху дворцовых переворотов.

В теории либеральная экономика должна строиться на принципе свободы рынка – как говорил Адам Смит, «невидимая рука рынка» сама регулирует экономические процессы, а государство – лишь «ночной сторож», пресекающий возможные преступления. На практике либеральное государство стало не только «сторожем» рынка, но и активным игроком на нём. На Западе это, прежде всего, выражается в балансировании правительств между стимуляцией спроса (неолиберальные и кейнсианские программы поощрения потребителя повышением зарплат и социальных выплат, создавшие «общество изобилия», «общество 2/3» и «государство всеобщего благоденствия») и предложения (политика неоконсерваторов и неоклассического либерализма по снижению налогов и снятию ограничений с прибылей и сверхприбылей за счёт сокращения социальных программ).

По существу, любые выборы на Западе – особенно, выборы Тори и Виги в Великобритании и республиканцев и демократов в США – это выбор оптимальной для страны в данный момент стратегии развития из двух выше указанных вариантов, причём оба пути либеральны: государство воздействует на экономику в основном косвенными методами и выступает одним из игроков на рынке.

В России же выбор, как правило, делается между монополизмом и первичным накоплением капитала, причём оба процесса не соответствуют либеральным стандартам. Именно поэтому ни тот, ни другой путь не обеспечивают прочного развития, а заводят в тупик, после чего страна вынужденно бросается в противоположную крайность. В феодальном государстве существовала монополия экономика: государство, дворяне и купцы были монополистами в отношении земли (главного средства производства) и торговых операций. После 1861 г. монополии были разрушены и началось накопление промышленно-финансовых капиталов, которое к концу века снова привело к монополизации. Её крайним выражением стала тотальная монополизация большевиков. Они, правда, были вынуждены временно вернуться к стратегии накопления (НЭП), но потом линия на государственно-монополитический капитализм (именуемый

«социализмом») всё же возобладала. Перестройка вновь перевернула процесс в сторону накопления капитала, однако сейчас господство снова переходит к монополиям, которые, в свою очередь, всё более попадают в зависимость от государства.

При этом никакой либеральной программы стимулирования производителя или потребителя в России никогда последовательно не реализовывалось. Можно спорить о преимуществах либеральной экономики западного образца, абсолютно свободного рынка или монополизма, но один факт очевиден: монополизм никогда не обеспечивал России стабильного развития и всегда приводил к вынужденному переходу к такому хищническому капитализму, разгула которого на либеральном Западе не знали уже многие десятилетия.

В теории либерализм выступает за осмысленную свободу каждого индивида в обществе, то есть соединение полной личной свободы с полной личной ответственностью. На практике это выразилось в установлении взаимно ограниченной и легитимированной (то есть обеспеченной и ограждённой законом) свободы, экономическим базисом которой стал институт частной собственности. На Западе, как правило, в результате революций произошла смена феодальных привилегий и владений на капиталистическую собственность и буржуазные права, признание святости которых стало сутью западного либерального сознания. В России же на протяжении всей истории происходила череда насильственных установлений прав и собственности без легитимации и преемственности, поэтому сознание святости личных прав и частной собственности в народе не сложилось.

Существует мнение, что либерализм, предусматривая свободу человека, как бы сам себя разрушает – ставится жизненная дилемма: либо либерализм остаётся верен концепции прав и свобод и тогда теряет способность к самозащите и погибает, либо он во имя самозащиты отказывается от своих же принципов и перестает быть либерализмом – таким образом, либерализм как таковой погибает в любом случае. В пример приводятся случаи установления диктатур в рамках либеральных систем (в том числе приход к власти Гитлера), поражения либеральных государств в войнах (в том числе Франции в 1940 г.) и – наоборот – победы либеральных сил в войне с фашизмом или терроризмом, достигнутые анти-либеральными средствами.

Нельзя не согласиться, что указанная дилемма и описанные тенденции действительно имеют место и либеральные системы (как и системы любого другого вида) иногда терпят поражение в вооружённой или конкурентной борьбе или вынуждены идти на глубокие трансформации,

отказываясь от самой своей сути. Тем не менее, либеральные государства в целом (в макро историческом масштабе) оказались сильнее своих соперников и противников: в ходе Первой мировой войны либеральные Англия, Франция и США одержали верх над авторитарными империями (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Россия), во Второй мировой войне та же коалиция одолела европейских фашистов и японских милитаристов, в ходе Холодной войны победителями вновь остались либеральные страны, та же картина складывалась и в подавляющем большинстве локальных конфликтах.

Можно сказать, что либералы побеждали благодаря не военному умению, а экономическому превосходству, но именно создание экономического и технологического превосходства над всеми противниками и есть главное достижение и главное преимущество либералов: оно обеспечивает гарантированную победу при довольно незначительных жертвах (достаточно сравнить потери Англии, США, Германии и СССР во Второй мировой войне).

Можно сказать, что либералы ради победы действуют анти-либерально и перестают быть либералами. Такие тенденции имели место («диктатуры» Рузвельта и Черчилля, агрессивная политика Англии и США, нарушающие права человека антитеррористические законы), однако они никогда не нарушали сущности системы и всегда носили временный характер (институт президентства в США после 1945 остался демократическим, в завоёванных либералами колониях тоже постепенно шли демократические процессы и они освобождались от метрополий – чаще мирным путём, борьба с терроризмом осознаётся как временное явление). Более того: нельзя даже сравнивать «диктатуры» Рузвельта и Черчилля с «настоящими» диктатурами Сталина или Гитлера – первые по сравнению со вторыми были практически «бесправными» правителями. Либеральная система основана на свободе, поэтому её вынужденная и временная мобилизация для противостояния какому-либо противнику так контрастирует с обычным состоянием (в авторитарных и тоталитарных системах нет этого контраста: они живут в постоянном напряжении не зависимо от обстоятельств).

Осталось сделать окончательный вывод: либерализм является принадлежностью западных (англосаксонской и, в меньшей степени, Романо-германской) цивилизаций, исторически развившейся в их среде. В ходе исторического процесса именно эта идеология показала себя наиболее приспособленной для успешного выживания и развития, поэтому в период глобализации она стала распространяться в другие регионы и культурные общности. России не раз делала попытку приобщиться к либерализму, стремясь получить не столько саму идеологию и модель развития, сколько

все связанные с ней социально-экономические и военно-политические достижения западных держав, не понимая неотделимость одного от другого. Фрагментарное и поверхностно-формальное заимствование либерализма, который не соответствует национальному характеру и исторически сложившейся культурной парадигме русского народа, всегда приводило к глубоким конфликтам и противоречиям и оказывалось безуспешным.

Можно было бы упомянуть ещё ряд конкретно исторических особенностей России, явно контрастирующих с основными принципами либерализма или не позволяющих им проникнуть в русское общество и укорениться в нём: общину – исконную форму организации сельского населения, как в царской, так и в советской России (колхозы) и лишь одну не оконченную попытку (до Перестройки) её разрушения Столыпиным; слишком узкий слой интеллигенции в царской России и изменение мировоззренческой сущности советской интеллигенции в советской России (об отношении к интеллигенции говорит и то, что в народе выражение «ты что – умный?» имеет уничижительное значение), а именно интеллигенция является носителем либеральной идеи (по крайней мере, потенциальным); отсутствие широкого слоя средних слоёв населения (буржуазия, интеллигенция) как широкой социальной базы либерализма. Однако мы не будем останавливаться на этом: все эти вопросы подробно изучены историками и их рассмотрение выходит далеко за рамки обзорного эссе.

Единственный способ для России достичь желаемых ею социально-экономических и военно-политических успехов и уровня западных либеральных держав состоит в отказе от своего анти-либерального пути развития и преодоления собственной культурной идентичности. Насколько оно того стоит – оставляю на усмотрение читателя. Бесконечно повторять бесплодные попытки сорвать плоды либерализма, не взрастив его на своей почве – как это делается в России уже на протяжении четырёх веков – не имеет ни малейшего смысла и обречено на новые циклы революций и диктатур при нищете и слабости народа с неминуемым возвратом к очередной попытке перехода к либерализму.

Отзывы кандидатов философских наук

№ 1

Для начала спасибо уважаемому автору – С.А. Репинецкому – за данную статью, прочитал её с интересом и не раз. Постараюсь высказать некоторые соображения собственно по статье и по её теме в общем. Заостряю внимание на том, что данный текст является не столько детальной критикой статьи, сколько анализом рассматриваемых в ней вопросов через призму моего мнения о них.

По форме конструкция рассуждения, линия анализа в тексте выстроена, на мой взгляд, довольно удачно, хотя налицо некоторая неравномерность логических частей статьи и частое соскальзывание от описания теории к собственным рассуждениям, что оставляет нерешённым вопрос о жанре статьи (историографическая, концептуально-методологическая, нарративная и т.д.). К тому же теоретические и конкретно-исторические эпизоды расположены сложно в силу одновременно исторического и философского характера самого материала, что неизбежно при рассмотрении тем из истории общественной мысли. Думаю, необходимо было бы основные теоретические положения вынести либо в начало (так, наверное, поступил бы философ со свойственной ему дедукцией), либо в конец статьи (так, наверное, поступил бы историк с характерной для него индукцией), а иначе убедительные, но очень разноплановые мысли расположены диффузно и мозаично, что несколько смазывает их восприятие.

В содержании, думаю, можно сделать ряд дополнений в текст, лишь усиливающий его и без того хорошую аргументацию. Так, вначале совершенно верно указывается, что либерализм как мировоззрение тесно связан с частной собственностью. Здесь можно вспомнить, что именно в римском праве частнособственнические моменты были очень развиты, и их унаследовали образовавшиеся на обломках Рима западно- и частично центрально-европейские страны. Т.е. в особенностях римского права закреплено одно из важнейших различий отношения к частной собственности как одному из столпов идеологии либерализма. С мнением же автора о неких либеральных устоях германских «варваров» (гораздо корректнее сказать племён) я не вполне согласен, этот тезис выглядит неубедительным особенно в сравнении с далее идущим тезисом о коллективизме финно-угорских и славянских племён («варвары» опять грубо). А чем они собственно отличались? Скорее различия в их мировоззрении больше объясняются, как и в случае с Западной Европой, объективными условиями существования, чем исходными особенностями мышления, а то это слишком отдаёт национальным фатализмом. В русле этого, кстати, логично идёт далее речь в

статье об экономическом базисе либерализма, который действительно является скорее какой-то роскошью, позволить которую себе могут только состоятельные страны. И здесь неизбежно проявляется диалектическая пара либерализм – авторитаризм, т.к. относительная свобода одних народов покупалась, к сожалению, за счёт порабощения и закабаления других. Так было и в имперском Риме, где свободы римских граждан росли вместе с ростом его гегемонии в мире.

Полностью согласен мыслью о невозможности существования в реальности либерализма «чистой воды». В связи с этим хочу сказать больше, что «либерализм», возможно, является т.н. концептуальным понятием, не соотносящимся с социальной реальностью напрямую, а требующим в каждом конкретном случае проверки на применимость (такими понятиями и не только по моему мнению являются также «маргинальность» или пресловутая «демократия»). Их невозможно механически переносить на общественную действительность, превращая в некое лекало, т.к. в него не впишется ни одно самое наиразвитое либеральное или демократическое государство. Данные термины в каждом конкретном случае своего применения обязательно нуждаются в операционализации через систему конкретных индикаторов, как бы постепенно снижающих абстракцию теории до реальности и немного подтягивающих реальность к теории, иначе они не будут встречаться между собой.

Думаю, один из главных спорных моментов, который относится к теме, но не обозначен в статье, это вопрос о природе происхождения (если это слово здесь применимо) либерализма не как теории (ноумена, понятия, концепции), а именно как феномена, реально существующего в обществе, и главное, соотношения идеологии и реальности (как я уже сказал выше, это не одно и то же в силу концептуальности понятия). И в статье не даётся ответа: идеология либерализма есть следствие объективных внешних условий жизни народов (например, как некий вариант географического или социально-экономического детерминизма) или же это особенности менталитета народов. Предвижу справедливое замечание: ведь понятно, что они неразрывны, что их невозможно выстроить в цепь как в вопросе, что первично материя (бытие) или дух (сознание). Конечно, это так, но это так в первую очередь в социальной реальности, где имеет место быть «реальный либерализм» (прошу прощения за такую «корявую» фразу). А раз речь в статье идёт именно, насколько я понял, о либерализме как идеологии (исходя из названия, она больше теоретико-методологическая, чем сугубо конкретно-историческая), этот вопрос постоянно преследует при прочтении, и остаётся какое-то чувство недосказанности. Это не упрёк автору, т.к. он не

рассматривал данный аспект, а для размышлений ему, возникших у меня при анализе текста.

Условия развития либерализма на Западе и в России рассмотрены хорошо. Автор написал, что либерализм на практике – это роскошь (можно иронично добавить, что даже на словах его могут себе позволить далеко не все страны). Я бы сказал, что он, как социальная практика общественного устройства, как модель организации общественной системы, является более сложным и с этой точки зрения более прогрессивным. Но сила архаики предыдущих моделей общества в том и заключается, что она привычнее, проще и ближе к животным корням человеческого общества (хотя, конечно, дарвинизм нельзя считать полностью доказанным). Общеизвестно, что в животном мире нет демократии и либерализма, т.к. там действует естественный отбор. И когда стоит вопрос выживания организмов, единственной моделью остаётся авторитаризм той или иной степени жёсткости, потому что лишь единство и подчинение сильнейшему (не только в плане грубой силы) даёт шанс уцелеть. То же происходит и с людьми в экстремальных ситуациях. И что мы можем поделать, если для России действительно многие войны были не просто одним из неотъемлемых процессов бытия, как на Западе, а делом жизни и смерти, которое не оставляло места неавторитарным моделям. Многие войны для России были войнами за выживание и самосохранение. Сложно здесь упрекать наш народ, ведь так сложилось исторически, что без массовой жертвенности (т.е. самоотречения от собственных прав и свобод на жизнь), взаимопомощи (т.е. отказа от частной собственности, от права на неё) и жёсткой субординации (т.е. отказа от личного пространства, от права на личную свободу и по большому счёту на личное счастье и творчество), скорее всего, сегодня уже и не было бы России. Войны и драматичные внутренние смуты лишали нас основ развития «реального либерализма». Так уж получилось, что у нас не было и нет отдельно внешней политики, вся она как бы входит во внутреннюю (Г. Киссинджер когда-то давно сказал, что у Израиля нет внешней политики, а только внутренняя, т.к. арабы внутри Израиля, видимо, имея ввиду, что отношения с ними – внутреннее дело Израиля). Это, хотя и в совсем другом смысле, применимо как раз к нам.

Также верна, как я считаю, мысль о том, что важно различие представлений о жизненном пути у большинства европейцев (лучше сказать западноевропейцев) и у большинства россиян. Вопрос с протестантизмом, правда, здесь сложен, ведь он появился по историческим меркам относительно недавно, и, возможно, он не столько причина либерализма, сколько катализатор его распространения. Ведь в работе показаны

представления о либерализме как о гораздо более древнем течении мысли, а также гораздо более древние его предпосылки. Там, в Европе, жизненный путь конкретного человека предстает в первую очередь карьерным восхождением и своего рода решением сложной рациональной школьной задачи по достижению потребительского (в массе своей) счастья, исходя из сочетания индивидуального «дано» и различных «формул успеха». В России сейчас тоже активно насаждается эта модель, и наше поколение т.н. «детей перестройки» уже может, взглянув на себя критично, осознать силу этого влияния идеологии Запада. А ранее у нас цель и ход жизни осознавались скорее как противодействие развалу, как поддержание статуса-кво бытия. Т.е. достойно жить и трудиться, по мнению многих поколений россиян, было нужно не для личностного роста и преуспевания (как на Западе), а для поддержания боеспособности Системы, сохранения и укрепления жизнеспособного хотя бы статуса-кво для своего народа. Естественно, такие подходы рождают совершенно разные стратегии поведения.

И тут я позволю себе не согласиться с автором статьи, ПРИВЕДЕНИЕ МИРА К СТАНДАРТУ ЛИБЕРАЛИЗМА НЕВОЗМОЖНО ни теоретически (т.к. его нет в «чистом виде»), ни, тем более, практически. Как и демократия, и маргинальность, либерализм не может быть единым мериллом прогресса, эта идея, кстати, естественным образом вытекает из самого его принципа невозможности существования единственно верного пути развития. Можно говорить лишь о степени выраженности либеральных идей в социальной реальности. Я совсем не враг прогресса и не ретроград-антизападник, но в данном вопросе крайне сложно разделить стремление цивилизовать и стремление покорить Россию (хотя бы в культурном плане). Поэтому я в корне не согласен с последовательным противопоставлением Запада и России по различным аспектам жизни общества. Да, мы разные, да, мы должны взаимодействовать, но именно взаимодействовать, а не экспортировать друг другу «единственно верные учения». Это может прозвучать чересчур идеологизированно (ведь тема статьи – идеология), но я действительно считаю, что такие общие понятия как «либерализм» и «демократия» существуют как единые лишь в теории (хотя и там каждый пишет, что хочет), принимая на практике нередко очень разные формы. И мне не кажется абсурдом понятие «суверенная демократия» или, применительно к теме, «суверенный либерализм». Нет единых образцов, над достижением которых нам надо как нерадивым ученикам ещё корпеть и корпеть. И, кстати, другими словами, но это сказано в конце текста у автора, где прямо в духе недавней статьи Президента Д.А. Медведева «Россия, вперед!» говорится о кардинальной модернизации страны при сочетании своих и мировых

наработок. Думаю, в той, медведевской статье слишком сгущены краски: «или – или», или модернизационный рывок, или вековое рабство отсталости. Думаю, всегда есть средний путь постепенного вызревания нового, к чему приходит в своих выводах уже С.А. Репинецкий. Никаких революций и контрреволюций нам сейчас не нужно, мы – за мир. Мы совсем не антилибералы, мы – не-либералы, что совсем не одно и то же (а иначе действует принцип «кто не с нами, тот против нас!»), и имеем на это полное право, т.к. мир многополярен и должен таковым оставаться. Мы не должны «достичь уровня западных стран», это бессмысленно, даже Ахиллес по логических апориям Зенона никогда не догоняет черепаху, т.е. как быстро бы мы ни бежали, в том месте, где ещё недавно был Запад, его уже не будет, это погоня за миражом. Да ещё и неясно, к чему собственно локомотив Запада с такой скоростью несётся. Привязка всего лучшего, что достигнуто человечеством, лишь к западническому либерализму делает модель мира архаично-пирамидальной, где есть элитаристская вершина, определяющая, что более или менее имеет право к ней как идеалу приблизиться, это новая редакция колониального мышления. Этот снобизм Запада не нужно рубить сплеча, вызывая его ненависть, а просто строить ему альтернативу. И революционный, и изоляционистский курсы мы испытали сполна, пора подходить к вопросу взвешенно, а для этого необходимо избавиться от единого «стандарта» либерализма в идеологии, оставив его на практике как феномен, принимающий в реальности различные национальные формы. Это даст нам возможность отказаться, наконец, от модели постоянно догоняющего развития, ставшей нашим «кругом сансары» (ведь она обрекает нас всегда быть всего лишь нерадивыми учениками и ведёт к диктатуре мобилизационного пути), при опоре на некий собственный формат «суверенного либерализма». Его выработка является очень сложным делом, но, думаю, время у нас пока есть, мы в кризисе, но не на грани цивилизационной катастрофы. Вот почему я сконцентрировал своё внимание именно на соотношении либерализма как теории и как конкретной исторической практики, несколько выходя за рамки анализируемой статьи, т.к. этот вопрос очень важен для сегодняшней России. И сами ключевые слова в названии статьи С.А. Репинецкого «Либерализм ... на русской почве» это только подтверждает.

Ещё раз спасибо С.А. Репинецкому за статью, она породила у меня, как видно, желание немало высказать, (что говорит об актуальности темы и статьи), надеюсь, я изложил что-то дельное и полезное для работы автора над его темой.

С уважением, С.Л. Скорынин

№ 2

"Фрагментарное и поверхностно-формальное заимствование либерализма, который не соответствует национальному характеру и исторически сложившейся культурной парадигме русского народа" то есть предполагается, что может быть вариант либерализма соответствующий национальному характеру россиян?

На каком этапе либерализм стал идеологией наиболее приспособленной для развития? и может ли наступить этап, когда либерализм станет идеологией сдерживающей развитие (в современных Штатах, насколько я понимаю, либеральные идеи потеснены идеями о безопасном государстве)?

Статья (в короткой версии) достаточно полна и логична, но именно в таких вопросах как идеология очень ярко проявляются субъективные взгляды исследователя, как бы мы в своём научном поиске не стремились к объективности.

Отзывы аспирантов по специальности Отечественная история.

№ 1

Привет! Вобщем так:

- 1) читается статья очень интересно;
- 2) она содержит в себе неплохой анализ;
- 3) но создаётся впечатление, что ты хотел сказать, что "все белые и пышистые, одни мы дураки и сволочи", а это по меньшей мере некорректно, тем более в интернете, доступном абсолютно для любого человека (про "непатриотично" я молчу, така как патриотизм не в том);
- 4) статья содержит несколько по меньшей мере спорных утверждений:

а. про школьные учебники, где якобы ничего не рассказывается о достижениях науки и техники - сейчас про это как раз пишут и пишут много, да и про американские корпорации и лучших бизнесменов материала полно (см.те же курсы по обществознанию, экономике, МХК, введение в политологию, да и в истории всё это есть). Есть и про Б. Н. Чичерина.

б. Без влияния СССР "коалиция либеральных держав" победить европейский фашизм не смогла бы, а СССР и побеждать начал кокраз за счёт развития своей военной промышленности (какой ценой - это уже другой вопрос). И, пожалуйста, нас итак постоянно лишают (и в этом я с тобой абсолютно согласна) своего прошлого, и гордости за свою страну (а она, на мой взгляд просто необходима), так хоть ты не добавляй!

в. Про то, что для России "единственный путь - отказ от антилиберального пути" - спорно!!! Уж слишком это не по российски! Ты прав - вся история доказывала, что Россия не принадлежит в чистом виде ни к Европейской культуре (к коей принадлежит и идеология либерализма), ни к азиатской. Как там у Тютчева "В Россию можно только верить..."?

г. А про то, что либерализм доказал своё превосходство, кажется спор уже был... Доказать -то он доказал, но для Запада! А западный путь нам не подходит, по крайней мере сейчас! Часть и большая часть западного либерального пути, и не самая плохая часть, воплощающая в себе принципы либерализма - сетевой маркетинг... Во что его превращают у нас... И не потому, что его развращают - сама идея к русскому менталитету не подходит! У нас добиваются успеха в маркетинге, но в основном представители других народностей (украинцы, выходцы из Европы и Америки, или жившие там с детства, молдаване и т.п). Но это не значит, что плоха Россия или плох сетевой маркетинг. Просто для нашей страны характерно другое и другое приносит пользу.

Ответ на возражения об идеологии либерализма.

Мне очень приятно, что статья вызвала живой отклик, и с большинством высказанных положений я не вижу смысла и необходимости спорить, поэтому скажу только в отношении спорных моментов. Поскольку вопросу и возражения были во многом похожи, я не писал по несколько раз одного и того же и ответы на первые замечания гораздо длиннее – там сказано всё – а дальше я старался избегать повторений. Отдельно отмечу, что такие сочинения – это хобби и дополнительный заработок, а к диссертации не имеют прямого отношения, хотя, конечно, основаны на выводах, сделанных в ходе её написания.

«Г. Киссинджер когда-то давно сказал, что у Израиля нет внешней политики, только внутренняя, т.к. арабы внутри Израиля, это, хотя и в совсем другом смысле, применимо к нам»

Скажу пару слов про эту цитату – хотя она, по существу, к делу не относится – а потом перейду к либерализму. Чтобы её понять правильно, необходимо знать контекст, в котором она сказана, а он тут не ясен. Подозреваю, что речь шла о колониально-имперской политике Израиля на освобождённых в 1867 г. территориях. В общем же смысле она довольно бестолкова. В Израиле есть такая должность – «Сар хуц» («שר חוץ») дословно это переводится примерно как «князь внешнего», но обычно это переводят привычной формулировкой «министр иностранных дел») и его ведомство абсолютно не занимается тем миллионом арабов, которые находятся внутри Израиля, а лишь отношениями с другими государствами – арабскими и неарабскими. Это и есть внешняя политика. Израильскими арабами внешнеполитическое ведомство естественно не занимается.

Но здесь возникает противоположный перекокс. Израиль находится под постоянной угрозой военного уничтожения и борьба с ней становится основной задачей всего общества и государства, а это определённо относится к сфере внешней политики. Получается, что вся деятельность в стране – как внешняя, так и внутренняя – подчинена внешнеполитической задаче самообороны. С этой точки зрения, можно сказать наоборот: у Израиля нет внутренней политики, а только внешняя.

И это действительно вполне применимо и к России: здешнее правительство тоже постоянно приносит внутренние интересы в жертву внешнеполитическим, оправдывая это постоянной необходимостью острой борьбы за коренные национальные интересы. Однако мне кажется, что такая необходимость для Израиля стоит значительно острее, чем для России, а вот перекокс в российской истории гораздо сильнее. Достаточно вспомнить, как

СССР поддерживал Коминтерн после Гражданской войны, кормил бедных французов во время голода 1946 г., ковал атомный щит родины в условиях повальной бедности и недоедания населения и т.д. Так же вела себя наша власть и до 1917 г. и после 1991 г.

«И в статье так и не даётся точного ответа: либерализм есть следствие объективных внешних условий жизни народов (некий вариант географического детерминизма Ш. Монтескье или социально-экономического, например) или же это особенности менталитета».

Честно говоря, мне не приходил в голову не только ответ, но и сам вопрос. В последнее время я стараюсь насколько возможно отойти от привычной бинарной логики и присущих ей дилемм «или – или». Я считаю (и мне казалось, что статья должна подводить именно к такому итогу), что оба фактора почти равнозначны. Разные народы сталкиваются с разными вызовами (пользуясь терминологией А. Тойнби) и дают на них разные ответы. С одной стороны, столкнувшись даже с одним и тем же вызовом, разные народы реагируют на него по разному, поэтому менталитет играет определённую роль. С другой стороны, возможно, что народы готовы были бы дать своей судьбе определённые ответы, похожие на ответы других наций, но на их историческом пути не встретилось соответствующих вызовов.

Например, в конце средневековья и на заре нового Россия и Польша сталкивались с похожими проблемами, но реагировали на них совершенно по разному, поэтому Россия сохранила национальную независимость и превратилась в империю, а Польша потеряла то и другое, зато обеспечила своему населению более высокий культурный и жизненный уровень. С другой стороны, в Чехии всегда были сильны предпосылки складывания буржуазного государства, но исторически сложилось иначе – она оказалась под властью консервативной империи и «готовый» вроде бы «либеральный ответ» так и не дождался соответствующего «вопроса» обстоятельств и был дан чехами только в конце XX века. Прибавим к этому, что в силу природных условий Чехия не могла стать морской – а, следовательно, и колониальной – державой. Таким образом, и детерминизму есть место.

«Но, и тут позволю себе не согласиться с автором статьи, ПРИВЕДЕНИЕ МИРА К СТАНДАРТУ ЛИБЕРАЛИЗМА НЕВОЗМОЖНО ни теоретически (т.к. его нет в «чистом виде»), ни тем более практически. Как и демократия, и маргинальность, либерализм на может быть мерилем прогресса».

На мой взгляд, либерализм в данный момент именно и есть мерило

прогресса. Такое заявление происходит из убеждения в поступательном развитии общества не только с технической, но и с организационной точки зрения. Народы, так и не перешедшие от присваивающего хозяйства к производящему безнадежно отстали в своём развитии – с этим никто не спорит. Переход к машинной тяге и электронной вычислительной технике стали такими же ступенями, «мерилами прогресса». Точно так же и в социально сфере. Что мы скажем о племени, застрявшем на уровне первобытной демократии? Разве это не очевидная отсталость? Так же и в случае «застывания» на уровне рабовладения или феодализма.

Я убеждён (и это именно научное убеждение – вывод из теоретического и практического изучения действительности), что наивысшая стадия развития общества (на данный момент!!!!) – либерализм. Поэтому страны, не совершающие перехода к нему отстают в своём развитии так же, как племена оставшиеся при первобытном строе и с ненавистью взиравшие на рабовладельческий Рим, так же как рабовладельческая Византия перед лицом феодальной Европы и феодализирующихся тюрков, так же как феодальная Российская империя перед лицом капиталистических (читай – либеральных) Англии и Франции в 1855 г. и так далее.

Конечно, придёт день, когда и либерализм станет пройденным этапом человечества – я в этом уверен. Но пока именно он мерило прогресса. Больше того: как показывает практика, перейти к следующему этапу (который придёт на смену либерализму и сделает его устаревшим) смогут раньше и лучше именно те страны, которые раньше и лучше восприняли либерализм. Я здесь выступаю как последователь формационной теории с той лишь оговоркой, что коммунистическая формация не состоялась, а наивысшем развитием капиталистической формации является либеральное общество и отказ от его построения автоматически приводит к отсталости народа – так же как отказ от расслоения, рабовладения, феодализма и т.п. в соответствующие эпохи.

«Мы совсем не антилибералы, мы не-либералы, что совсем не одно и то же»

Когда сосуществуют авторитарные и либеральные государства, существование последних само по себе является угрозой для первых, поскольку видя свободное общество в недрах общества закреплённого всегда будут находиться «изменники», желающие освободиться по примеру своих соседей. Даже нынешние противники либерализма в России обращаются к либеральным аргументам, когда их притесняют: например, КПРФ не раз жаловалась на нарушение властью свободы выборов (уж кто бы говорил!). Поэтому авторитарные государства всегда будут стремиться

дискредитировать либеральную теорию и подавить её выразителей. А уже вследствие этого сами либералы – сознавая всё выше сказанное – всегда будут видеть потенциальных (как минимум) противников во всех авторитарных режимах. Либерализм действительно оказывает подрывное действие на любой существующий нелиберальный режим и это вполне осознаётся обоими сторонами.

Но и нелиберальный режим всегда видится либералам главной угрозой. Сейчас, например, происходит постепенный отказ европейских государств от своего суверенитета. Очевидно, что в ЕС есть свои доминанты – прежде всего, Франция и ФРГ. Что же европейцы капитулируют перед ними, уступают им свою независимость? Да. Так же, как он её уступили США после Второй мировой войны. И они это делают с лёгкостью, без особого сожаления: все эти государства либеральны, а либералу без разницы, в каком либеральном государстве жить. Но что происходит, когда нелиберальная Россия (или нелиберальная Германия 100 – 60 лет назад) пытаются присоединить к себе или своей сфере влияния соседние страны? Войны, сопротивления, восстания, острая борьба с оппозицией. Это вызвано страхом любого либерала перед угрозой оказаться в нелиберальном государстве, поскольку это неминуемо сопряжено с потерей прав и свобод и, как правило, означает существенное снижение уровня жизни и темпов развития.

Таким образом, либералы видят своих главных врагов в нелибералах, а нелибералы – в либералах. И это неминуемо вызывает постоянные конфликты. Поэтому в объективной реальности понятия «нелиберальный» и «антилиберальный» идентичны и в полной мере относятся к России на протяжении почти всей её истории (да и сейчас в основном тоже).

«создаётся впечатление, что ты хотел сказать, что "все белые и пышные, одни мы дураки и сволочи", а это по меньшей мере некорректно»

Такой цели я не преследовал

«про школьные учебники, где якобы ничего не рассказывается о достижениях науки и техники - сейчас про это как раз пишут и пишут много, да и про американские корпорации и лучших бизнесменов материала полно (см.те же курсы по обществознанию, экономике, МХК, введение в политологию, да и в истории всё это есть). Есть и про Б. Н. Чичерина»

Это безусловно позитивное новшество последних лет – можно сказать, что это пример того немного, что Россия всё-таки смогла перенять от либерализма. Однако до последнего времени всё было довольно печально –

так как я это описал. Сохранность нынешней позитивной тенденции тоже вызывает опасения. У нас же, например, все исторические фильмы – как было, так и есть – посвящены исключительно батальным эпизодам, и массовый патриотизм воспитывается не на достижениях науки, а на сценах массовой резни.

«Без влияния СССР "коалиция либеральных держав" победить европейский фашизм не смогла бы»

Очень спорно. Конечно, это бы затянулось, но победа была бы неизбежна. Естественно, не нужно понимать победу в узком смысле – как военный разгром: совершенно необязательно! Западный либерализм победил, например, испанский фашизм, когда Испания стала конституционной монархией и пришла к европейской интеграции.

Точно так же западный либерализм расправился с СССР без всяких войн. А когда государство тратит все свои ресурсы и теряет миллионы жизней граждан на борьбу, которую можно выиграть без таких затрат – это не героизм, это глупость. В том, что фашист рухнул бы в борьбе с либерализмом – нет сомнения. Германия не могла выиграть против него ни войну, ни конкурентную борьбу.

«Про то, что для России "единственный путь - отказ от анти-либерального пути" - спорно!!! Уж слишком это не по-российски!»

См. выше.

«А про то, что либерализм доказал своё превосходство, кажется спор уже был... Доказать -то он доказал, но для Запада!»

Опять же повторяю: именно для всего мира. Все страны, в любой точке света (будь то Россия, Китай, Бразилия, Индия, Япония, Индонезия, Египет и т.д.) чтобы не отстать в развитии и сохранить своё положение и влияние вынужденно принимают себе, по крайней мере, элементы либеральной системы – ибо это действительно единственный путь для всех! И – о, чудо! – либеральные реформы их всех – во всех концах мира! – спасают: Россию в 1860-ые, Китай в 1980-ые, Японию в эпоху Мэйдзи, Турцию при Ататюрке и т.д. Это всё примеры именно «незапада».

«предполагается, что может быть вариант либерализма соответствующий национальному характеру россиян?»

Нет: фраза "не соответствует национальному характеру и исторически сложившейся культурной парадигме русского народа" относится

к либерализму в целом как системе.

На каком этапе либерализм стал идеологией наиболее приспособленной для развития? и может ли наступить этап, когда либерализм станет идеологией сдерживающей развитие

Не только может, но и обязательно наступит, в чём я убеждён – об этом я писал выше. Всё преходяще и исторично. Либерализм стал передовой идеологией с момента своего появления и первой апробации в 17 веке и рано или поздно неминуемо станет вчерашнем днём. Пока, тем не менее, это ещё не случилось.

«в таких вопросах как идеология очень ярко проявляются субъективные взгляды исследователя, как бы мы в своём научном поиске не стремились к объективности».

Да, так и сеть! Тем не менее, стремится к объективности стоит, и я к ней стремился. Другой вопрос – насколько успешно.

Беседа с аспирантом по специальности Отечественная история
(обозначен как «Оппонент»)

[21:01:38] Оппонент: 1) признание человеческой личности ценностью - это гуманизм

[21:01:47] Оппонент: разберись с понятиями

[21:04:24] С. Репинецкий: гуманизм, как мне кажется, скорее предпосылка; здесь же уже абсолютизация личности, т.е. индивидуализм + антропоцентризм

[21:45:46] Оппонент: "коалиционное правительство – большевиков и левых эсеров" - очень сомнительный момент

[21:45:56] Оппонент: не удачный пример

[21:46:04] Оппонент: вряд ли это можно назвать коалицией

[21:47:12] С. Репинецкий: хотя бы формально

[21:47:31] С. Репинецкий: мне тебе перезвонить или ты случайно нажала?

[21:47:42] Оппонент: случайно

[21:47:46] С. Репинецкий: ок

[21:48:02] Оппонент: формально лучше говорить о Временных правительствах

[21:48:07] Оппонент: тут вроде не придраться

[21:48:33] Оппонент: в целом глобальное ощущение, что я это уже где-то читала

[21:48:40] Оппонент: это всё прописные истины

[21:48:45] Оппонент: пока ничего нового я не нашла

[21:49:03] Оппонент: даже в элементарных учебниках есть подобные рассуждения об индивидуализме

[21:49:11] Оппонент: его связи с европейскими традициями

[21:49:13] Оппонент: и т.д.

[21:49:24] Оппонент: Ричард Пайпс это очень подробно описал

[21:49:32] Оппонент: а из наших - Милов

[21:49:41] Оппонент: а у тебя ни одной ссылки на этих корифеев

[21:50:02] С. Репинецкий: ну в этом и нет ничего нового: по существу, весь смысл в сведении общеизвестных моментов в единую картину

[21:50:12] С. Репинецкий: Пайпса и Милова я, правда, не читал

[21:50:13] Оппонент: а зачем статья

[21:50:19] Оппонент: если всё общеизвестно

[21:50:23] Оппонент: и ни одной своей мысли

[21:50:33] Оппонент: похоже на плагиат

[21:50:40] Оппонент: особенно потому что не ни одной ссылки

[21:50:46] С. Репинецкий: не всё, а фактический материал

[21:50:47] Оппонент: хотя бы из тех, что я написала

[21:50:55] Оппонент: не правда

[21:50:59] Оппонент: рассуждения тоже не твои

[21:51:11] С. Репинецкий: там и ссылки не нужны, поскольку это факты именно общеизвестные

[21:51:20] Оппонент: факты да

[21:51:25] Оппонент: но ты же даешь трактовку

[21:51:29] С. Репинецкий: а вот общая картина и итоговый вывод не тривиальны

[21:51:33] Оппонент: в трактовка явно не твоя личная

[21:52:12] С. Репинецкий: вот в трактовке и есть собственная позиция - я её не где не списывал, хотя вполне возможно, что есть люди, рассуждающие таким же образом

[21:52:30] Оппонент: однозначно есть

[21:52:35] Оппонент: как минимум Милов

[21:53:15] С. Репинецкий: впрочем сходство не означает плагиата

[21:53:16] Оппонент: "Среди большевиков законченное высшее образование имел только В.И. Ленин, а тех, у кого новые лидеры могли бы чему-то научиться, быстро посажали на «философский пароход», перестреляли и переморили голодом."

[21:53:22] Оппонент: значит здесь вот какой момент

[21:53:30] Оппонент: у большевиков тоже был ценз

[21:53:38] С. Репинецкий: идеологический?

[21:53:52] Оппонент: они по конституции 1918 г. не допускали к выборам купцов, дворянство и духовенство

[21:54:00] Оппонент: это тоже ценз - но наоборот

[21:54:02] Оппонент: понимаешь?

[21:54:08] Оппонент: они просто картинку перевернули

[21:54:14] Оппонент: а от ценза не отказались

[21:54:21] Оппонент: это учти, пожалуйста

[21:54:31] С. Репинецкий: да, кстати факт

[21:54:58] С. Репинецкий: но от этого тоже потом отказались, когда классовую структуру разрушили

[21:55:07] Оппонент: да, конечно

[21:56:10] Оппонент: "государство, дворяне и купцы были монополистами в отношении земли "

[21:56:17] Оппонент: насчет купцов - это ты смело

[21:56:29] Оппонент: им только в конце 18 века разрешили землю покупать

[21:56:38] Оппонент: а до этого - ни ни

[21:57:01] С. Репинецкий: я же писал о ситуации до 1861 г. - в конце концов разрешили

[21:57:09] С. Репинецкий: а до того обходили запреты

[21:57:21] С. Репинецкий: как капиталистские крестьяне и отходники и т.п.

[21:57:41] Оппонент: вряд ли уместно об этом говорить

[21:57:51] Оппонент: ну и что что отходники

[21:58:06] Оппонент: отходниками не владели

[21:58:11] Оппонент: из нанимали как положено

[21:58:21] Оппонент: владели ими помещики

[21:58:25] Оппонент: даже на момент отхода

[21:58:53] С. Репинецкий: строгость законов в России компенсируется их неисполнением - Карамзин правильно сказал про всю систему, всю историю

[21:59:09] Оппонент: не путай

[21:59:16] Оппонент: пишешь о формальной стороне

[21:59:22] Оппонент: значит исходи из законов

[21:59:34] С. Репинецкий: а отходников и капиталистских я имел в виду в отношении приобретения собственности:

[21:59:38] Оппонент: у тебя же нет примеров, что практика другая была

[21:59:48] Оппонент: тогда ссылочку дай

[21:59:52] С. Репинецкий: они её иметь не могли, но как-то умудрялись

[22:00:15] Оппонент: собственность

[22:00:21] Оппонент: и земля с крестьянами

[22:00:25] Оппонент: это разные вещи

[22:00:39] Оппонент: они ее в собственности до 40-х гг не имели

[22:01:13] С. Репинецкий: для капиталистских и отходников речь может идти о мастерских, лавках, орудиях труда и т.п.

[22:01:43] С. Репинецкий: а купцы использовали землю в плане владения на ней недвижимости

[22:01:43] Оппонент: это же не земля и не феодальная собственность!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! всё в куче!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

[22:01:49] Оппонент: воооооооот

[22:01:54] Оппонент: это же другое!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

[22:02:00] Оппонент: выкинь это!!!!!!!!!!!!!!

[22:02:04] Оппонент: это в корне не верно

[22:02:12] Оппонент: конечно они землей владели

[22:02:18] Оппонент: дом и лавка на ней стояли

[22:02:20] С. Репинецкий: формально это не земельная собственность, но реально земля используется - это факт

[22:02:23] Оппонент: но не крестьянами!!!!!!!!!!!!!!

[22:02:31] Оппонент: нельзя это путать!!!

[22:02:45] Оппонент: это очень грубая ошибка будет

[22:02:47] С. Репинецкий: о владении крестьянами купцов я кажется не писал

[22:03:08] Оппонент: ты в контексте земельного владения их приравнил к дворянам и гос-ву

[22:03:18] Оппонент: а это нельзя писать вместе

[22:03:27] С. Репинецкий: не в контексте, а в отношении

[22:03:29] Оппонент: оч разные отношения к земли у них

[22:03:44] С. Репинецкий: это 3 субъекта, которые могли сами владеть землёй - это факт

[22:03:51] С. Репинецкий: разные - я не спору

[22:04:03] С. Репинецкий: но все могли иметь - об этом я и пишу

[22:04:11] С. Репинецкий: а другие не могли

[22:04:24] Оппонент: мещане тоже могли

[22:04:30] Оппонент: чё ж ты о них не пишешь

[22:04:30] Оппонент: !!!!!!!

[22:04:38] Оппонент: и чиновники

[22:04:41] Оппонент: где они?

[22:04:51] С. Репинецкий: ну казаки там условно, церковь ограничено, мещане за повинности - это всё условные или неэкономические владения

[22:05:02] Оппонент: неееееет

[22:05:05] С. Репинецкий: ?

[22:05:08] Оппонент: мещане одинаково с купцами

[22:05:14] Оппонент: у них право одно было

[22:05:20] Оппонент: они с 1785 г. - горожане все

[22:05:37] С. Репинецкий: а фабрики тоже мещане могли иметь?

[22:05:46] Оппонент: ты ж о земле

[22:05:51] Оппонент: а теперь о фабрике

[22:05:54] Оппонент: ты всё в кучу

[22:06:02] Оппонент: это разные вещи

[22:06:37] С. Репинецкий: так я ж говорю: земля, как место, на котором можно поставить свою экономически используемую недвижимость

[22:06:45] Оппонент: а лавка

[22:06:57] Оппонент: это тоже экономически используемая недвижимость

[22:07:00] С. Репинецкий: ...и мастерская

[22:07:02] Оппонент: и у мещан они были

[22:07:04] С. Репинецкий: да!

[22:07:08] Оппонент: ну вот

[22:07:10] С. Репинецкий: но за повинности и большие

[22:07:22] Оппонент: одинаково

[22:07:29] Оппонент: просто купцы откупались

[22:07:35] Оппонент: потому что деньги были

[22:07:50] Оппонент: жалованная грамота 1785 г. ко всем горожанам относилась

[22:07:52] С. Репинецкий: права гильдейского купечества и мещан всё таки различались

[22:08:01] Оппонент: но не на землю

[22:08:10] С. Репинецкий: даже у разных гильдий различались, не говоря уж о мещанах

[22:08:19] Оппонент: конечно, но не на землю

[22:08:24] Оппонент: ты ту запутаешься

[22:08:28] Оппонент: тут*

[22:08:35] Оппонент: там много тонкостей

[22:08:46] Оппонент: а ты так смело пишешь

[22:08:48] С. Репинецкий: мещане только в своём городе могли, где полностью зависели от городских властей -

[22:09:01] С. Репинецкий: т.е. того же государства, дворян, гильдейских

[22:09:04] Оппонент: как и купцы

[22:09:40] С. Репинецкий: купцы сами были в правлении и могли перемещать капиталы и действовать самостоятельно

[22:10:06] Оппонент: ты как знаешь, хочешь оставляй как есть, дело твое

[22:10:49] С. Репинецкий: я ещё уточню и подумаю, чтобы точнее ограничить

[22:10:56] С. Репинецкий: спасибо большое!

[22:11:46] Оппонент: Единственный способ для России достичь желаемых ею социально-экономических и военно-политических успехов и уровня западных либеральных держав состоит в отказе от своего анти-либерального пути развития и преодоления собственной культурной идентичности. Насколько оно того стоит – оставляю на усмотрение читателя. Бесконечно повторять бесплодные попытки сорвать плоды либерализма, не взрастив его на своей почве – как это делается в России уже на протяжении четырёх веков – не имеет ни малейшего смысла и обречено на новые циклы революций и диктатур при нищете и слабости народа с неминуемым возвратом к очередной попытке перехода к либерализму.

[22:12:01] Оппонент: а мне бы другой вывод напрашивался из прочитанного:

[22:12:15] Оппонент: раз не получается с либерализмом - значит гнать его в шею

[22:12:31] Оппонент: не получится изменить культурную идентичность

[22:12:36] Оппонент: которая сложилась веками

[22:13:31] Оппонент: значит надо просто отказаться от идеи, которая выросла на чуждой для России почве индивидуализма

[22:13:45] Оппонент: и насчет 4-х веков я тоже не поняла

[22:14:00] Оппонент: В России либерализм уже 4 века????????????

[22:14:12] С. Репинецкий: где там про 4 века?

[22:14:13] Оппонент: я бы сказала, что он как таковой лишь в 19 сформировался

[22:14:24] Оппонент: может я ошибаюсь

[22:14:30] Оппонент: я вроде в этом не знаток

[22:14:39] Оппонент: в самом конце

[22:17:34] С. Репинецкий: про 4 века я пишу конкретно:

[22:17:50] С. Репинецкий: "бесплодные попытки сорвать плоды либерализма, не взрастив его на своей почве"

[22:18:00] Оппонент: почему 4?

[22:18:03] Оппонент: откуда 4?

[22:18:08] Оппонент: не пойму никак

[22:18:13] С. Репинецкий: т.е. получить себе достижения либеральных стран, не принимая либерализма

[22:18:31] Оппонент: у меня 4 всё равно не получается

[22:18:34] С. Репинецкий: потому что за достижениями либерального запада стали гоняться при первых Романовых

[22:18:34] Оппонент: ну может 3

[22:18:37] Оппонент: начиная с Петра

[22:18:48] Оппонент: ну это знаешь ли

[22:18:59] Оппонент: это заимствования

[22:19:02] Оппонент: а не гонка была

[22:19:04] С. Репинецкий: это знаешь ли С.М. Соловьёв)))

[22:19:10] Оппонент: традиции сохранялись

[22:19:20] Оппонент: он о либерализме не пишет

[22:19:24] Оппонент: опять в кучу

[22:19:27] С. Репинецкий: вот именно это я своей фразой и имею в виду!

[22:19:42] Оппонент: не понятно это из твоей фразы

[22:19:45] Оппонент: понимаешь?

[22:19:50] С. Репинецкий: речь не о либерализме, а о ДОСТИЖЕНИЯХ либеральных стран

[22:19:58] Оппонент: сразу взгляд цепляется

[22:20:03] Оппонент: что что-то тут не так

[22:20:13] С. Репинецкий: либерализм впервые попыталась заимствовать Екатерина, да и то куче и неудачно

[22:20:34] Оппонент: интересно, а что в 17 веке в Европе уже либерализм был?

[22:20:40] Оппонент: ну может во второй половине

[22:20:45] Оппонент: но не вначале же!

[22:21:03] Оппонент: только только реформация прошла

[22:21:08] Оппонент: и уже либерализм?

[22:21:19] С. Репинецкий: в Англии и Голландии был

[22:21:27] Оппонент: в начале 17 в?

[22:21:34] Оппонент: до революции?????

[22:21:37] Оппонент: оч сомневаюсь

[22:21:59] С. Репинецкий: ну с середины, а в Голландии в начале - у них революция раньше была

[22:25:46] С. Репинецкий: либерализм начал действовать в Европе как КЛАССОВАЯ идеология буржуазии (о чём Маркс и Ленин писали), поэтому либерализм и его достижения старше либеральных государств и их достижений

[22:26:15] С. Репинецкий: а попытки заимствовать делались сразу - даже Годунов боярских отпрысков за границу посылал

[22:26:36] С. Репинецкий: и кстати в вольные города Германии в том числе и в Голландию

[22:26:55] Оппонент: либерализм не мог появиться раньше чем буржуазия

[22:27:15] Оппонент: а буржуазия сложилась с Европе уж точно не в начале 17 века

[22:28:22] Оппонент: бюргеры - основа для будущей буржуазии - это верно

[22:28:27] Оппонент: но не сама буржуазия

[22:28:37] С. Репинецкий: вот о них и речь

[22:28:45] Оппонент: иначе придется говорить о капитализме в Европе с 12-13 вв!!!

[22:28:53] Оппонент: а это в корне не верно

[22:30:12] С. Репинецкий: нет, классический средневековый цех и гильдия - это феодальные институты; их разложение - это и рождение либерализма - 16-17 вв.

[22:31:01] Оппонент: я подумаю